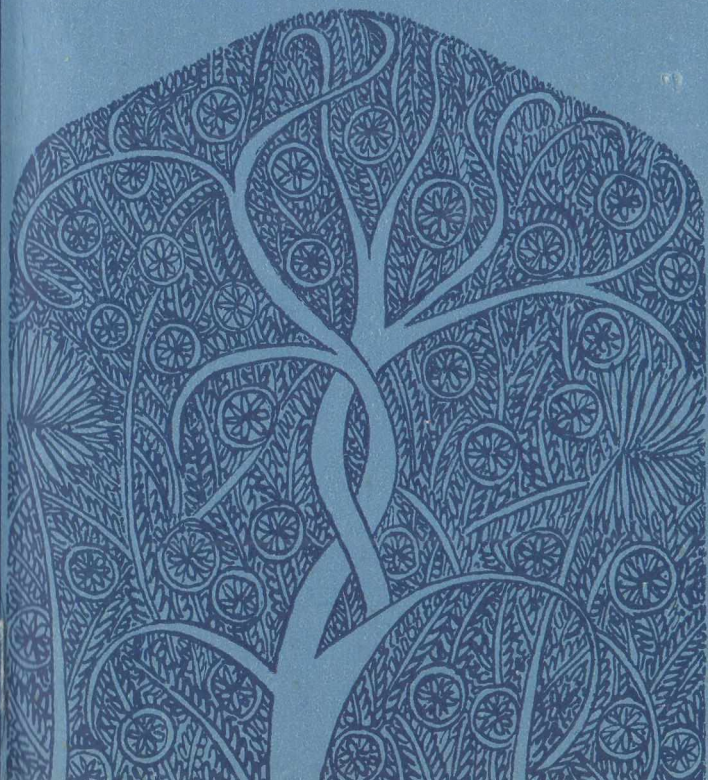

Валлаттол

**Гидн
утренней
заре**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Валлаттол

Гити утренней заре

Перевод
с малаялам

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1980

Ответственный редактор
Е. П. ЧЕЛЫШЕВ

Составители
В. А. МАКАРЕНКО И ЧАНДРА СЕКХАР

Предисловие
Ч. АЧУТЫ МЕНОНА

Примечания
В. А. МАКАРЕНКО

Валлаттол

- В 15** Гимн утренней заре. Пер. с малаялам. Предисл. Ч. Ачуты Менона. Примеч. В. А. Макаренко. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1980.

85 с.

Валлаттол (1878—1958) — выдающийся индийский поэт, писавший на языке малаялам. Это замечательный лирик, тонкий ценитель красоты и человеческой души. В его поэзии громко звучит голос поэта-гражданина, страстного обличителя зла и несправедливости, отстаивающего возвышенные гуманистические идеалы демократии, мира и прогресса.

В 70404-082 БЗ-103-48-79. 4703000000
013(02)-80

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1980.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Валлаттол Нараяна Менон, замечательный сын Кералы, известный повсеместно как Валлаттол, был членом «Великого триумvirата», повелевавшего малаяльской поэзией в первой половине XX в. «Триумvirат», в который кроме Валлаттола входили Кумаран Ашан и Уллур Парамешвара Айяр, стоял во главе движения за возрождение, которое сопровождалось революционными изменениями в форме и содержании поэзии Кералы и в литературных вкусах ее народа.

Валлаттол родился 26 октября 1878 г. в небогатой семье из касты наяров¹ в деревне Ченнара бывшего Малабарского дистрикта, входящего теперь в штат Керала. Образование, полученное им, было типичным для большинства его соотечественников: заключалось оно лишь в том, чтобы научить чтению и письму. Валлаттол, однако, получил и основательную подготовку в санскрите, что сослужило ему добрую службу в его поэтической карьере. Именно благодаря этому он обрел доступ к необъятной сокровищнице санскритской поэзии, к ведам², пуранам³ и другим драгоценностям, которые с детских лет питали его воображение. Превосходное владение словом и легкость стиля помогали ему наиболее выразительно передать то или иное настроение, чувство, мысль, цветовой оттенок или впечатление, и ни в одном его стихотворении нет ни влияния современного образования, ни воздействия английской или какой-либо другой литературы, кроме малаяльской и санскритской.

¹ Н а я р ы — воинско-земледельческая каста в Керале. Индийское общество с древнейших времен представляло собой иерархию каст, замкнутых групп, имевших общее происхождение и профессию.

² Ведаы — собрания священных гимнов древних индийцев.

³ П у р а н ы — религиозно-эпические поэмы.

Писать стихи Валлаттол начал с 12 лет. Он сочинял их по любому поводу и в традиционной манере.

В относительно молодом возрасте (в 31 год) Валлаттола постигло большое несчастье — в 1919 г. он потерял слух. Тогда он сочинил свое знаменитое стихотворение «Плач глухого». Жизнь стала для него подобна мучительной борьбе. Общаться с людьми, как раньше, он уже был не в состоянии. Можно бесконечно восхищаться мужеством, упорством и твердостью этого человека. Стремясь преодолеть пропасть, отделившую его от людей, он научился писать на ладони, словно на грифельной доске, изъясняться с помощью знаков и жестов и, таким образом, проложил себе путь к величию и славе.

В родной деревне Валлаттол жил до 26 лет. На жизнь он зарабатывал тем, что лечил людей согласно предписаниям аюрведы⁴, которой был обучен своим дядей. Последний являлся известным врачом и имел обширную практику. Но в мыслях Валлаттол был далек от своей профессии, весь досуг он посвящал поэзии. Тогда, однако, литературный труд не мог никого прокормить. К тому же у Валлаттола была семья — он женился в 23 года. Не удивительно, что, получив предложение возглавить издательство «Printing Press», он немедленно его принял. В 1904 г. Валлаттол переехал в Тричур и провел там шесть лет, руководя издательством, выпуская несколько поэтических журналов и сочиняя стихи для других. Это был период интенсивной творческой работы. Тогда же Валлаттол познакомился со многими известными литераторами.

Первым произведением, которое было создано Валлаттолом в те годы, является перевод «Рамаяны», великой эпической поэмы на санскрите, сотворенной бессмертным Вальмики и насчитывающей 25 000 шлок. Перевод был выполнен безупречно, с какой бы стороны его ни оценивать: стиль отличался простотой и изяществом, а верность оригиналу не вызвала сомнений. С тех пор престиж Валлаттола как лучшего переводчика санскритской поэзии остается непоколебленным. Воодушевленный этим успехом, он до конца жизни продолжал заниматься переводами. На его счету переводы многих пуран, всех драм Бхасы⁵ и «Ша-

⁴ А ю р в е д а — древнеиндийская медицина.

⁵ Бхаса — древнеиндийский драматург, живший в IV в. н. э.

кунталы» Калидасы, величайшей санскритской драмы всех времен. На закате своей жизни, в возрасте 75 лет, он начал переводить «Ригведу»⁶ и завершил работу незадолго до смерти (13 марта 1958 г., когда ему было уже 79).

Но своей литературной славой Валлаттол обязан не переводам, сколь бы совершенны они ни были. Начиная с 1910 г. на его становление как поэта преобладающее влияние оказывают два фактора.

Один из них можно охарактеризовать как дополнительный. Дело в том, что до этого времени Валлаттол писал в так называемой неоклассической манере. В 1909 г. опубликование поэмы «Сломанный цветок», написанной Кумараном Ашаном, знаменитым современником Валлаттола, ознаменовало наступление эры романтизма в малаяльской литературе. Но Валлаттол остался равнодушным к новым веяниям и по-прежнему сочинял добрые старые махакавья⁷. В 1910 г. он завершил работу над махакавьей «Читрайога» из 18 песен и 1591 шлоки. Несмотря на то что многие читатели приветствовали эту поэму, Ашан ее безоговорочно осудил. Он прямо заявил, что писать подобные поэмы в двадцатом столетии означает впустую тратить время и силы. Хотя критика Ашана была, несомненно, обоснованной, но выразил он ее в столь резкой форме, что вряд ли Валлаттол мог получить от этого удовольствие. На страницах литературных журналов между ними развернулась полемика. Однако, когда страсти несколько поутихли, оказалось, что Валлаттол склонен признать правомерность критики Ашана в его адрес. По крайней мере именно так можно объяснить тот новый облик, который приобретает поэзия Валлаттола после 1914 г. Теперь перед нами уже не тот ярый приверженец древних традиций, которого мы видели раньше, а наш современник, живущий жизнью своей эпохи.

Здесь надо оговориться, что Ашану посчастливилось изучить английский язык и познакомиться с произведениями английских поэтов-романтиков XIX в. Он был также близок с Тагором, знал его произведения. Отсюда Ашан

⁶ «Ригведа» — первая из вед (см. примеч. 2).

⁷ Махакавья — искусственный эпос, жанр, возникший в среде воинской аристократии и посвященный воспеванию царей и героев.

воспринял новое миропонимание и некоторые идеи о том, в каком направлении должна развиваться малаяльская поэзия. Сам он по натуре был человеком, полностью поглощенным своими душевными переживаниями, размышлениями о смысле жизни. Естественно, что его поэтические излияния окрашивались всегда в романтические тона.

У Валлаттола же не было тех познаний, которыми обладал Ашан. Вот почему ему понадобилось время, чтобы усвоить новые идеи. Хотя он поначалу и отверг обвинения Ашана, но они заставили его глубоко задуматься и сделать известные выводы. Результатом всего этого явилась поэзия совершенно нового типа, которая стала рождаться под пером Валлаттола.

Вторым и, по всей вероятности, гораздо более действенным фактором, обусловившим изменение характера творчества Валлаттола, было национально-освободительное движение.

Со времени кампании несотрудничества, начатой Гандиджи⁸, и даже до нее Валлаттол встал на сторону партии Индийский национальный конгресс⁹. Он сочинял стихи на смерть таких политических деятелей, как Дадабхай Наороджи, Бал Гангадхар Тилак и др. Он носил кхадхи¹⁰, что означало принадлежность к ИНК и считалось, по выражению Неру, «нарядом свободы». Он присутствовал на сессиях Конгресса в Мадрасе (1927 г.) и в Калькутте (1928 г.). Симптоматично, что обе эти сессии совпадали по времени проведения с годовыми конференциями литературного общества «Керала сахитья паришад», одним из руководителей которого был Валлаттол. То, что поэт предпочел отправиться на сессию ИНК, а не на конференцию литераторов, было кое-кем встречено враждебно. Но Валлаттол игнорировал все нападки. Главным для него была свобода родины. Он знал, что литература и искусство могут расцвести только на земле свободной страны.

⁸ М. К. Ганди (1869—1948) — выдающийся деятель национально-освободительного движения индийского народа. К его фамилии индийцы обычно прибавляют частицу «джи», выражающую уважение.

⁹ Индийский национальный конгресс — ведущая политическая партия Индии, возглавлявшая национально-освободительное движение.

¹⁰ К х а д и — домотканая одежда из грубого холста.

Он начал писать стихи и песни для национально-освободительного движения. Некоторые из них были на устах у всех во время кампании несотрудничества в 1930—1931 гг. Осуждение кастовой системы и неприкасаемости — постоянная тема многих произведений Валлаттола. Даже в тех из них, где содержание не связано непосредственно с политикой, поэт не раз в завуалированной форме затрагивает проблемы борьбы за свободу.

Никто не оспаривает того, что в целом патриотические стихотворения Валлаттола могут быть причислены к самой совершенной поэзии. Чрезвычайно показателен при этом следующий факт. Ведущий поэт Кералы не считал, будто он роняет свою репутацию, сочиняя то, к чему некоторые литературные критики поспешили прикрепить ярлык «пропаганды». Но одно такое стихотворение Валлаттола получило признание и этих критиков. Оно посвящено Гандиджи и называется «Мой почитаемый учитель». Оно превосходно по своим художественным качествам, по душевности и глубине чувства.

Я уже упоминал ранее о том повороте, который произошел в поэзии Валлаттола около 1914 г. В 1914 г. увидел свет его стихотворение «Заключенный в тюрьму Анирудха», сюжет которого основан на эпизоде из «Махабхараты»¹¹. Такого же характера и два других стихотворения Валлаттола, которые он написал позже, — «Ученик и учитель» и «Отец и дочь».

Хотя в этих произведениях Валлаттола сюжеты мифологические, а действующие лица — боги, риши¹², асуры¹³ и др., поэт описывает их так, как если бы они были людьми. И, очеловеченные, они становятся жизненными. В самом деле, именно поэтическое воспроизведение человеческих эмоций и порывов придает этим поэмам подлинное обаяние и по сей день продолжает привлекать читателей. Но сказать только то, что герои этих поэм очеловечены, было бы недостаточно. Их мысли, чувства, импульсы — все современно. Освободительное движение установило новую шкалу ценностей. Равенство между людьми (т. е. отрицание кастовых различий), равенство между мужчинами и женщинами, всеобщность человеческого рода — вот некоторые из этих ценностей. И все они были воплощены Вал-

¹¹ «Махабхарата» — древнеиндийская эпическая поэма.

¹² Риши — мифические мудрецы древности.

¹³ Асуры — демоны.

латтолом в его стихотворениях. Он описывает новых героев, мужчин и женщин, вознесенных на гребень волны революционным движением, обрушившимся на феодалов и империалистов и взбаламутившим все индийское общество.

Среди других произведений Валлаттола следует особо сказать о «Марии Магдалине». Библия повествует о падшей женщине, которая, приблизившись к Христу, падает к его ногам и начинает новую страницу своей жизни, после того как он, сжалившись, говорит ей, что раскаяние избавило ее от всех грехов. То, что поэт-индус избрал библейский сюжет, было совершенно неслыханным для тогдашней малаяльской литературы. Валлаттол же выбрал этот сюжет потому, что он прочно усвоил наставления своего гуру¹⁴ Гандиджи, который и проповедовал, и сам демонстрировал терпимость ко всем религиям, с тем чтобы теснее сплотить все народы, борющиеся против империализма. Когда поэма была напечатана, некоторые ортодоксальные христиане критиковали ее автора за то, что он сравнил Иисуса Христа с индийским богом Кришной. Однако как раз в этом суть поэмы. Лишь сюжет ее взят из Библии, а все остальное, включая систему образов, фон и т. д., является чисто индийским.

Еще одна постоянная тема поэзии Валлаттола — печальное положение женщин в индийском обществе и их борьба за эмансипацию. Частично в этом сказалось влияние национально-освободительного движения. Поборники социальных реформ, начавшие свою деятельность еще в XIX в., особенно настойчиво требовали отмены детских браков и полигамии, а также разрешения вдовам повторно выходить замуж и женского образования.

Когда Махатма¹⁵ Ганди призвал женщин принять участие в движении гражданского неповиновения, охватившем в 1930—1931 гг. почти всю Индию, очень многие из тех, кто откликнулся на его призыв, оказались за решеткой. И женщины героически выдержали все тяготы тюремной жизни, не испугались они и других опасностей, уготованных борцам за свободу. В своих стихотворениях Валлаттол не пишет конкретно о ком бы то ни было из них, но сами женские образы, которые он создает, выражают дух

¹⁴ Гуру — учитель, наставник.

¹⁵ Махатма — букв. «великая душа», так звали М. К. Ганди в народе.

этого времени — достоинство, мужество и благородство. Как недавно отметил один малаяльский литературовед, источник, из которого поэзия Валлаттола черпает мощь и выразительность, — это борьба индийского народа за национальное освобождение, и символом ее в произведениях поэта нередко выступает женщина.

Я уже упоминал выше, что Валлаттол с юных лет впитал в себя мудрость древних индийцев — веды, пураны, упанишад¹⁶. Он очень гордился великим прошлым своей страны и рисовал себе и другим картины ее минувшей славы. Исследования историков показали, однако, что эти прекрасные картины — миф, ничего общего не имеющий с действительностью. Но тогда все лидеры индийского национализма свято верили в лучезарное прошлое Индии, и эта вера была их идеологическим оружием в борьбе против иностранного господства. Нет ничего удивительного в том, что и Валлаттол гордился древней славой своего отечества и восторженно ее воспевал. Но было бы несправедливо полагать, что в его взглядах хоть сколько-нибудь сказывался индусский шовинизм. Валлаттол неуклонно следовал заветам Гандиджи и стремился пропагандировать своей поэзией достоинства секуляризма и демократии в соответствии с тем, как эти вопросы ставились национально-освободительным движением.

Валлаттол умел наблюдать жизнь. Он видел, как пашет землю крестьянин, как надрывается сборщик копры, как рыбачка терпеливо дожидается мужа, ушедшего в море на своей лодчонке... Вновь и вновь возникают в его стихотворениях эти образы — в отличие от так называемых певцов натуры, упивавшихся прелестями природы, расписывавших цветочки, кустики и деревца, закат с рассветом и все тому подобное.

Следует также заметить, что, описывая жизнь простых тружеников, их тяжелый труд и нескончаемые страдания, поэт гневно обличает эксплуататоров как главных виновников всех несчастий.

Важно подчеркнуть, что многие стихотворения Валлаттола на эту тему были написаны задолго до того, как на освободительное движение начали оказывать влияние социалистические идеи. Указанная тенденция проявилась в

¹⁶ У п а н и ш а д ы — комментарии к ведам, носившие религиозно-философский характер.

30-х годах, после неудачи кампании несотрудничества и выхода из тюрем многих ее участников.

Валлаттол хорошо знал жизнь людей труда, искренне им симпатизировал, и их страдания всегда находили отклик в его душе. Хотя он и был убежденным сторонником ИНК, но не мог не чувствовать, что программе и идеологии Конгресса чего-то недостает. Об этом свидетельствует его стихотворение «Омовение в Прайяге», описывающее случай, который произошел на съезде ИНК в Калькутте в 1923 г. Во время заседания двенадцать тысяч рабочих и крестьян, выстроившись в колонну, вступили в пандал¹⁷, где проходил съезд, и промаршировали прямо к возвышению, где разместился президиум. Манифестанты, темнокожие крестьяне и сельскохозяйственные рабочие, перемешались с участниками съезда, представителями средних слоев, в белоснежных кхади и конгрессистских шапочках. Поэтическому воображению Валлаттола эта картина подсказала образ города Прайяга (Аллахабада), у которого сливаются Ганг (его вода светлая) и Джамна (ее вода считается темной). Для правоверного индуса совершить омовение в этом месте — значит избавиться от всех грехов. Поэт хочет сказать своим стихотворением, что революционное движение обретет подлинную силу и зрелость только тогда, когда в него вольются рабочие и крестьяне, чтобы бороться бок о бок с интеллигенцией и профессиональными революционерами. И здесь он, бесспорно, оказался прозорливее, чем многие политики.

Я ничуть не сомневаюсь, что именно сочувствие обездоленным, отверженным и угнетенным привело в 40-х годах Валлаттола к участию в движении за дружбу с Советским Союзом. За это он не раз становился мишенью для яростных нападок. Однажды его даже освистали и забросали тухлыми яйцами на митинге в Бомбее. Но Валлаттол был непоколебим. Он стал искренним другом СССР и активным деятелем Всемирного движения сторонников мира. В 1950 г. поэт участвовал во Всемирном конгрессе сторонников мира, который состоялся в Варшаве. Выступая на конгрессе, Валлаттол прочитал свое стихотворение. Он читал его на малаялам, своем родном языке, который не был понятен почти никому из огромного числа делегатов, но, когда он закончил, зал разразился аплодисмента-

¹⁷ П а н д а л — павильон.

ми. Это стихотворение, «Песня крестьянина», хотя и написанное в 1928 г., оказалось в данном случае вполне актуальным, поскольку оно содержало антивоенные мотивы. Поэт говорит: «Если бы сталь умела плакать, то из ее слез, которые пролились на землю и застыли, получились бы такие слова: „Я предназначена для создания земледельческих орудий, которые поддерживают человеческую жизнь, а меня используют для производства оружия, которое проливает человеческую кровь“».

Валлаттол не перегружает свои стихи философскими рассуждениями. Его вполне устраивают те идеи и взгляды на мир, которые содержались в ведах и пуранах, но которые были переосмыслены Ганди применительно к реальной жизни. Именно эту жизнь, все, что в ней есть хорошего, славит Валлаттол своей поэзией. Он воспекает цветы и растения, деревья, холмы и долины, ручьи, озера, реки, море, зверей и птиц, а более всего — людей, храбрых и великодушных. Его любовь к детям известна всякому. Им посвящены самые очаровательные стихотворения поэта. Без устали поэт он хвалу шаловливому и задорному па-
стушонку Кришне.

Из сказанного нетрудно заключить, что Валлаттол был страстным поклонником искусства вообще. Искусство было сутью и смыслом всей его жизни. Однажды он сказал: «Если бы Брахма предстал передо мной, держа в одной руке „мораль“, а в другой — „искусство“, и предложил сделать выбор, то я не колеблясь взял бы второе». Это высказывание Валлаттола имело большой резонанс среди его соотечественников. На поэта посыпались обвинения в аморальности, распутстве и т. п., но все они были явно не по адресу. Валлаттол был примерным домохозяином, главой большой семьи, имел детей и внуков, с которыми стремился проводить досуг. А работал он очень много, образ жизни вел строгий и пунктуальный. Он был также щедрым хозяином и любил принимать у себя друзей.

Не удивительно, что именно Валлаттолу обязан своим возрождением знаменитый катхакали¹⁸. Этот древний вид искусства совсем было зачах, ибо нуждался в поддержке и покровительстве. В прежние времена в роли меценатов выступали цари и богатые аристократы. Когда таковых в Керале не стало, поддерживать катхакали оказалось не-

¹⁸ Катхакали — народный театр Южной Индии.

кому. Если бы не Валлаттол, это самобытное искусство наверняка бы погибло.

Титаническая работа Валлаттола по возрождению катхакали началась примерно с 1930 г. и продолжалась всю его жизнь. Теперь судьбе катхакали ничто не угрожает. Основанная Валлаттолом Керала каламандалам (Академия искусств Кералы), вся деятельность которой посвящена пропаганде национального искусства, являет собой достойный памятник этому замечательному поэту, внесшему огромный вклад в современную культуру Индии.

Ч. Ачута Менон

ПОДБИТАЯ ПТИЦА

Эй, посмотри, как разводит широкие крылья
Белая птица и медленно к счастью летит,
Пруд наш кристальный волною ее холодит,
Ветер качает ее, точно лотос нежнейший.

Так над Землею божественной, пестрой постелью,
Там, в поднебесье, подброшен прекрасный клочок —
Словно подвешен, ярчайший, светлейший цветок,
Он на невидимой нити, и это прекрасно.

Облако нежно коснется губами вершины,
Землю погладит, как первенца, ласку дая.
«Боже, как чудно дитя», — и, восторгом горя,
Лица вокруг озаряются дивным сияньем.

Хочет ли птица весь мир оглядеть из-под тучи?
Так высоко залетела она в небеса.
Это свободный, широкий полет начался.
Еле заметны далекие людные страны.

Слишком высок для людей этот ветер надменный,
Он покидает надолго семейство свое.
Птица летит, и трепещет сердечко ее...
А незнакомец приходит с оружием железным.

Да, он решил окровавить полет белоснежный.
О, человечьи клыки, что винтовками кто-то назвал.
Мягче металла, хотя и страшней, чем металл,
Руки, сковавшие злобную эту винтовку.

Видит охотник свою белоснежную жертву,
Видит ее обреченность. И как же он рад!
Это награда ему и услада услад —
То, что она никогда не поднимется больше.

Разве прекрасные крылья его окрылили
И восхищенье мелькнуло в жестоких глазах?
Может быть, он голодает в эдемских садах?
Может быть, наша земля не родит ему злака?

Он торопливо патрон забивает в оружие —
Вот и заряжен и поднят убийственный ствол.
Как он доволен, его он на птицу навел.
Радостно он возбужден и поэтому метко стреляет.

Нет тяжелее греха, чем такое убийство.
Брата убийство. И этот над дулом дымок,
Что поднимается в синюю высь, одинок,
И растворяется медленно там, в поднебесье.

Падает птица, крыла запрокинув внезапно,
Ниже и ниже. О ужас! О ужас и стыд!
Грешник, ничто этих детских забав не простит —
Точно волчок расписной, кувыркается птица.

Мать Земля! О Земля, породившая Будду!
Птица убитая вновь припадает к тебе
И затихает на глинистой, грязной воде.
Черные капли, как черные слезы, стекают.

Радостно в небе кружа, ты встречала супруга.
Что не летит он к тебе? Почему его нет?
Может быть, он, над гнездом ожидая рассвет,
Кормит детей, по-отцовски следит за птенцами.

Голод жестокий, птенцы и бессильны и немы.
Дети твои ждут хоть крошки, хоть капли воды.
Где же супруг, что свершает такие труды?
Нет его, нет, а вокруг уже тени ночные.

Рано ты, мать, овдовела, какая печаль, ты вдовица!
Крыльев еще не оперили дети твои.
Выстрел жестокий — погибель для целой семьи,
Сколько беды от преступной охотничьей пули!

Если бы эта победа случилась в сраженье,
Был бы ты воином и поступил как солдат.
Видишь, тигриные желтые очи следят
Стадо коровье — и все-таки ты не стреляешь!

Разве не знаешь, что наша Земля изобильна?
Польза какая в жестокости дикой твоей?
Сколько же горя тем людям, что камня бедней,
Жирные грешники, радуясь подло, приносят.

Ты на алтарь преступленья, о птица, взошла
С красной гирляндой вокруг окровавленной шеи.
Капли кровавые даже и раны алее,
Словно гирлянда идущего на эшафот.

Боль, что ударила птицу, была нестерпимой
И навсегда ей открыла пустые глаза.
Вот и последний, бессильнейший крик раздался,
Вырвался он из ее перебитого клюва.

Скрылось за дымкой туманное, мрачное солнце.
Все замолчало, поникло, пропало вокруг.
Знак это добрый, и это полезный испуг —
После убийства такого весь мир испугался.

Звезды на небе печальном, ночном проступили,
Чтобы взглянуть — что такое случилось внизу.
Держит охотник добычу свою на весу,
Вот подержал и засунул в охотничью сумку.

Пусть он насытится, проголодался охотник.
Нежное мясо он съест — пообедать пора.
Перья твои разнесли в поднебесье ветра,
Весть о жестокости пусть разнесется по миру.

Ушла прозрачность — краса осенняя,
так хмуро небо, туманы клубятся.
О Калиюга, время тревоги;
О Калиюга, время мрака.

Значит, это к перемене погоды?
Только тысячерукое солнце
может остановить ненастье.
А не то одолеют нас туманы.

И воздух туманен,
и небо белесо.
Как цветок в белой дымке,
померкло небо.

Когда холодно людям,
их надежды остывают,
словно они с четырех сторон света
окружены белым туманом.

Под осенним ветром
цветы опадают с деревьев.
Исчезает красота рощи,
как у женщины, расстающейся с мужем.

В этот праздник,
когда поют на прудах птицы,
пение их похоже на бой барабана —
так поют они.

Солнце на Севере ночевало.
Солнце уныло, солнце печально.
Точно слезы, стекают туманы,
день все короче.

Беднякам приходится
рано утром
вставать на работу,
поеживаясь от холода.

В холодный пруд
журавль не опускает клюва,
сидит одиноко на берегу.
Не будет ему рыбы на завтрак.

Белорудый, коричневокрылый коршун
парит в небе.
Над прудом он делает круг за кругом,
высматривает рыбу.

В серебристом тумане
вянут девочки-лотосы.
На осиротевший пруд
слезы тумана стекают.

Распускают розы в саду
лепестки, что нежнее шелка.
Лепестки снова сжимаются в бутоны
от холода, от дрожи туманной.

На ночь кусты роз покрывают тканью,
заворачивают сверху и снизу.
Утром женщины ткань выжимают —
так вот делают розовую воду.

Пляшут под ветерком листья,
и росинки блестят на них, точно алмазы.
Вот-вот взойдет солнце,
радуга затрепещет в банановой роще.

Пастух поднимает ягненка,
прижимает к сердцу, как сына,
пастух рад,
и бодрит его холод.

Чудовища-крокодилы
греются на солнце,
лежат один подле другого,
как разбросанные по берегу камни.

Солнце тускло светит,
его и в полдень почти не видно.
И только совы, что кричат на деревьях,
только совы довольны.

Почти все дома в деревне
закрыли окна-глазницы.
Может быть, они совсем ослепли?
Нет, они только сейчас не видят.

Зеленеют медные монеты
в шкатулке у скряги.
Веера тоже залеживаются в лавках,
никто не берет их в руки.

Так холодно утром,
люди дрожат от озноба.
Можно согреться только в полдень,
но кратко тусклое солнце.

Если туман все-таки уходит,
он уходит быстро.
Тот, кто наверху,
не любит медлить.

Если бог вас приветит,
по коже пойдут мурашки.
В такой одежде холод не страшен
даже нищему, что бредет от двери к двери.

Царь наряжен в длиннополые одежды,
но и его не щадит холод;
а вот бедняки
просто обхватывают тело руками.

Бывает, что от холода немеют ноги и руки.
Чтобы кровь разогнать,
люди сгребают опавшие листья,
жгут костры — согреваются как могут.

Люди держат над огнем руки,
словно бы благословляя пламя,
ведь оно побеждает холод —
так огонь почитают люди.

Яркие угли пламенеют
в простом горшке,
озябшим людям он дороже
золотого сосуда с драгоценными камнями.

Закончив труды по дому,
жениха поджидает невеста;
благоухают палочки из сандала,
и комната наполняется ароматом.

Рис на полях еще не собран,
но все знают — урожай хороший.
Словно танцующая Богиня урожая,
колышется золотистое поле риса.

Чакора кричит угрюмо,
слышна печаль в этом крике.
Небеса закрыты туманом,
и луна в небесах точно призрак.

Те, кто по ночам охраняют рисовое поле,
жмутся к костру поближе.
Голоса их слышны издалика —
так тишина разносит звуки.

До чего хороши краски в эту пору —
 песня так и просится наружу.
Точно пение попугаев,
 слух ласкает прекрасная песня.
Даже в такую пору урожай богат,
 золотистый сноп риса
подобен яркой жемчужине —
 украшению клюва.

ГИМН УТРЕННЕЙ ЗАРЕ

Грохочут валы океана и голосом трубным
возвещают, что ночь на исходе.
И, словно желая это отметить,
петухи в пунцовых тюрбанах
гребешки свои подняли кверху
и громко пропели.

Заря появилась на небе внезапно,
в то же самое время зажегся светильник
утренней чистой звезды
и многоголосые птичьи хоры
защебетали на все лады.
Звеня золотыми запястьями,
на свод небесный взошла заря,
сметая звездные цветы,
которыми ночь себя украшала,
и передвинула диск луны.
И везде, где еще сохранился
вчерашний мускусный запах,
уронила прохладные капли росы
и рассыпала желтый шафран,
и повеявший ветер
был напоен ароматом цветов,
как дыхание девушки.
А заря разгоралась,
и лучи ее чистые
освещали Вселенную.
Склоним же головы
перед этой Владычицей Неба,
сотням тысяч домов
жизнь дарующей,
им несущей свежесть свою,
одинаково всем и всегда
сияющей.

1913

I

Вовремя не починили крышу,
дождь затекает в комнаты;
дом похож на голодающего с подведенным животом,
и стропила выпирают, как ребра.

Пальмовые листья на крыше все в дырах,
свет через них проходит, словно взор сатаны,
он проникает сюда свободно
и полы разглядывает в доме.

Дождь льется
и оставляет подтеки на стенах,
и подтеки эти похожи
на растрепанные седины безобразной старухи.

Такой дом похож на опустившегося человека,
полуразрушенный дом бедняцкий,
словно он на краю жизни,
словно истекает кровью.

Если войдешь внутрь — увидишь:
обшарпанные, с дырами стены,
разбитые двери;
на одной из них паук свил паутину.

Кто же следит за этим домом?
Женщина живет здесь,
невельнуться нет у нее силы,
вот и сидит одна на кухне.

Холод и бедность
изуродовали ее тело,
сидит она подле очага,
как бы в молитвенной позе.

II

Юноша благородной внешности
удивленно поглядел по сторонам,
и этот дом ему на глаза попался.
«Какая бедность!» — он подумал.

«Нет, ошибки быть не может! Я не мог
заблудиться!
Это тот же самый дом, конечно!
Но что же случилось?
Родня разъехалась, что ли?»

Так он размышлял, стоя у порога,
ничего не понимая:
«Почему нет гостей, как бывало,
никто меня не зовет, не приглашает?»

А она совсем ослабела,
что-то ее терзало нестерпимо...
Юноша перешагнул порог дома,
вошел на кухню.

Она попыталась подняться,
голову приподнять попыталась
и увидела:
входит мужчина.

А он шел так осторожно,
ступал тихо-тихо
по доскам пола.
Все-таки она услышала — кто-то подходит.

Она встала,
кое-как закуталась в лохмотья
и вышла, еле волоча ноги,
в коридор, чтобы гостя встретить.

Милый облик матери своей супруги
не узнал юноша — так она изменилась;
носившая когда-то шелка —
была в лохмотьях.

Но женщина полуживая
юношу узнала с первого взгляда,
и даже голод не помешал ей
как при вспышке света увидеть былое.

КЕРАЛА

Давным-давно Парашурама-строитель
бросил в море боевую секиру.
Он создал храм Кералы
во славу богини счастья.
Высокие горы — стены этого храма
на Севере и Востоке.
На Юге и Западе храм подпирают
волны морские.
Керала — неприступная крепость,
сама природа задумала это.
Здесь обитает богиня счастья,
только добром
Можно в храм проникнуть.
Здесь долины сменяют высокие горы,
Только видимость — различие такое,
а по сути здесь
Во всем единство.
Керала, ты — родина адвайты.
Здесь и бедняка бог осеняет.
Во дворе храма
Слышны приветственные речи —
это входящего
Приветствует Шанкара.
Его мудрые слова
Развеяли тьму заблуждений.
Куда ни пойдешь ты в Керале —
Эти слова услышишь.
Меч Шанкары — гирлянда цветов
На груди дорогого гостя.
Щит его — тилак на лбу мудреца,
Охрой нанесенный.
Всем величием своим
Служил Шанкара богине храма — Керале.
Он снискал вечную славу,

Уравняв меч с венком,
 щит со знаком мудрейших.
После Шанкары мир един,
 не раздвоен.
Тебя омывают, Керала, большие и малые реки;
 от них садов твоих пышность,
Нектар цветов медоносных.
 Птицы нежными голосами
Повторяют строки поэта,
 рассказавшего нам о Раме,
Поведавшего о Бхаратах.
 Стали истории эти
Священными книгами мудрых.
 Керала, в твоём поднебесье
Ни облачка нет, ни тучки —
 лазурь прозрачней кристалла;
Небесные своды что стены
 перед праздником урожая.
Ветерок над прудом колеблет
 лотосы и лианы.
Пальмовые рощи пронизаны
 солнечным светом.
Листьями они прикрылись,
 будто нарядными зонтами.
Воздух звенит от голосов веселых.
Каждый двор украшен цветами,
Всякое поле —
 шелковым одеялом риса
И зеленым покрывалом бананов.
Радость праздника — гирлянда
 из камней драгоценных.
В домах достаток и радость —
 наступает праздник Онам.
В этот день
 возвращается царь Махабали
Посмотреть на прекрасную землю.
Если ты счастлива,
 Керала, мать наша,
Чего ещё желать нам?
Все мы прежде всего
 Кералы дети!

1919

БАЛ ГАНГАДХАР ТИЛАК

Никакие слезы не помогут!
Нет лекарств от этой страшной боли.
Для него, Великого, нет завтра.
Смерть-старуха протянула руку,
чтобы вырвать лучшего из лучших.

Человек, всегда готовый к жертвам,
жертву величайшую принес нам —
жизнь свою.
О, горе нам, несчастным!
Ты не мог пути искать другого,
был твой путь тебе указан Гитой.

Чаянья и думы о Свободе
Родины чело покрыли потом,
смыли тилак, бедную Отчизну
знака благородного лишили!

Волны нашу Индию колышут,
и корабль виднеется средь пены.
Горе, если в трудную минуту
кормчего корабль-страна лишится.

Как с людьми умел ты обходиться!
Ты всегда для нас был чем-то высшим,
и навеки, Бал Гангадхар Тилак,
памяти твоей народ наш предан.

Так народ скорбел, твой прах сжигая,
что, наверно, мальчику, что прыгнуть
в твой костер пытался погребальный,
показался он цветком ашока.

Точно лев, который не теряет
царственной осанки даже в клетке,
ты, наш Тилак, брошенный в темницу,
оставался верным патриотом.

И в чудесную обитель йога
превратилась тесная темница;
ревностно борясь за справедливость,
жизнь принес ты Индии, как жертву.

Без печали и без тени грусти,
радостно, с божественною песней,
точно направляясь в сад волшебный,
ты ушел от нас навеки, Тилак.

Самые простые наши люди
смерть ужасным чем-то не считают.
Ты слова последние сказал нам,
и они звучали, как молитва.

Те слова ты посвятил Отчизне,
те стихи священные из Гиты,
пусть же в них найдем мы утешенье,
пребывай в покое, дух великий!

1920

МАРИЯ МАГДАЛИНА

(отрывок из поэмы)

II

Ту звезду, что на землю пала,
в небесах искали б вы напрасно.
Кто же это мимо нас проходит?
Как она со звездою схожа!

Вот проходит красавица мимо,
ослепительная, как созвездье.
Молодой луны она прекрасней,
заливающей весь мир сияньем.

Если приглядеться, то заметно —
чем-то озабочена красotka.
От волненья колышется сари
на груди ее прекрасной.

Волосы ее до пят ниспадают,
льются вдоль тела, скользят по бедрам;
словно реки синяя лента,
темнеют они в лунном свете,
О, как вся она благоухает,
нежит ее лунное сиянье.

Аромат вьюнка
она разносит,
где ни ступит — там сандалом веет,
охлаждающим, как лунные блики.

Несёт она хрустальную чашу
на ладони, окрашенной шафраном.
На лебедя среди лотосов красных
она похожа.

Одинока бедная красotka,
но возлюбленный ее ожидает.
Тайною тропой, с лицом закрытым —
так ее к нему любовь приводит.
Пусть возрадуется он, влюбленный,
исполнению желаний.
Не к любовнику она спешит сегодня,
нет ни страха у нее, ни сомнений
на лице прекрасном.
Со Всевышним у нее свиданье,
и она спешит, не опоздать бы!

Лучшая из всех красавиц мира,
будь спокойна — цель твоя так близко!
И обитель тихая, святая
открывается за поворотом.

У Симона распахнуты двери,
женщина увидела это —
побежали мурашки по коже,
будто райские врата перед нею.

Словно речка, достигшая моря,
женщина застыла
на пороге.

Пересилила себя и внутрь шагнула,
перешла порог
и побежала, словно мать к ребенку
после разлуки.
За порогом этого дома
сделалась она еще прекрасней
и по беломраморным ступеням
поднялась наверх.

Отшатнулась, как волна речная,
встречным ветром гонимая от устья.
Нет, красotka, нет, не сомневайся!
Будь смелее!
Веруй в покаянье!
Эти слезы грязь твою отмоют!

Родилась она
в лачуге бедной.
Как же мог на этой жалкой почве
вырасти такой цветок благоуханный?

Вырос он, расцвел и ароматом
все вокруг наполнил.
Долго люди мимо проходили, ничего не замечая,—
и заметили, пришла минута эта.

Злых всегда влекут цветы затем лишь,
чтобы их сорвать и тут же бросить.
Девочку они в блудницу превратили.
У красотки внешность — дар небесный.
А под внешностью, по их понятиям,— тина.

Дал Создатель ей небесное обличье,
словно райский сад, ее украсил;
как ужасно, именно все это
в ад ее низвергло.

Жизнь свою сперва возненавидя,
понемногу и она втянулась,
позабыла, что цветком
благоуханным выросла она среди колючек.
Шли года —
она смирилась с роком.

Непорочность с бедностью не ладит.
Как не отступить перед нуждою?
Непорочностью ведь сыт не будешь,
надо жить, и есть, и одеваться!

Скоро золото ручьем к ней побежало,
красоту охотно покупают,
стало тело гибкою лианой,
на которой выросли монеты.

Об одном лишь благосклонном взгляде
умоляли юноши и старцы,
этот взгляд алмазов
стал дороже.

И всего одной улыбкой нежной
мир она к своим ногам повергла.
Хижина ее исчезла вовсе,
и дворец на этом месте вырос.

Нет, не единицы, не десятки — сотни
милостей красотки домогались,
ей цари, бывало, угождали,
как простые слуги.

Женщина, что прежде голодала,
стала жить под драгоценным балдахином.
Все на свете красоте подвластно,
женской красоте непобедимой!

1921

МОЙ ПОЧИТАЕМЫЙ УЧИТЕЛЬ

Махатме Ганди

Весь мир — его семья, и даже травы,
растенья, черви — члены той семьи.
Он учит нас, что, щедро раздавая,
приобретаем мы, что, отказавшись от насилья,
достигнем процветанья. Так в счастливой
гармонии все качества в себе соединяет
мой почитаемый учитель.

Как небо чистое, которому равно
идет убор из звезд и вереница
тяжелых туч, он мелочности чужд
и расточительности чужд не меньше,
мой почитаемый учитель.

Приют, где могут странники укрыться,
светильник негасимый среди мрака,
алмаз, не тронутый змеей, луна,
всю землю осветившая,—
мой почитаемый учитель.

Борец за справедливость безоружный,
поборник веры безо всяких книг священных,
врачующий болезни без лекарства,
готовый жертвовать, но враг насилья —
мой почитаемый учитель.

Отказ от гнета — вот во что он верит,
Всеобщий мир — вот божество его.
«Мечи владык скорей вложите в ножны
с простою надписью: „Конец насилью!“» — вот он,
завет его всегдашний.

С женой беседа после длительной разлуки,
в кругу друзей любимых сложенные песни,
звон золотых браслетов на ногах Свободы —
вот звуки, что из уст своих роняет
мой почитаемый учитель!

Да, воин он — любовью мир он покоряет.
Лук — божество, стрела — душа, а цель —
святое дело.

Он медленно, но твердо очищает
все, что вокруг, лишь бога оставляя.

Так всепрощение Христа в соединенье
с ученьем благородным бога Кришны,
отказ от всякого насилия Будды,
ум Шанкарачарьи, милосердие Рамы,
правдивость Харишчандры, твердость Магомета —
хотите эти качества увидеть
соединенными в одном прекрасном сердце?
В дом мудрого учителя ступайте,
читайте книги, что о нем писали.

И стоит посетить его однажды,
как сильным станет слабый, щедрым — жадный,
правдивым — лжец, ленивый — энергичным,
злой — добрым, богоборцем — нечестивый.

При виде этого отшельника тотчас же
меч опускается, как слабый стебель,
лев превращается в ягненка
и в тихий пруд — бушующее море.
В часы, когда он весь во власти мысли,
и лес преображается в чертоги;
в глубокое раздумье погруженный,
он превращает рынок в тихую пещеру.

Его слова, ложась в поля посевом,
приносят урожай бесценный, чистый,
глаза, похожие на землю цветом,
в песке крупинки золота находят.

И всё «просперити» империалистов
для мудреца лишь сатаны улыбка.

Он шелковыми тканями не станет
путь трудный устилать, ведущий мир к свободе.
Нет, обернувши бедра грубой тканью,
святой наш ходит полуобнаженным.

Лишь край, где родилось ученье Гиты,
мог миру дать такого человека,
лишь край, который окружают Виндхья
и Гималаи, мог увидеть
льва смиренного, и лишь земля,
которую питает Ганг, смогла взрастить
то дерево златое, на котором
плоды благополучья созревают.

Привет тебе, Мудрец, тебе, Великий,
тебе, мой почитаемый учитель!

1922

БЛАГОСЛОВЕННЫЙ ДАР

Гулко бил океан в барабан,
петухи, кверху гребни подняв, трубили
о победе солнца над тьмою.
И весть облетела всю землю,
вселяя радость в сердца.

Низкий поклон тебе, Истина светлая,
проливающая нектар своей благодати
на тех, кто лежит пред тобой распростершись.
Когда ты торжественно присутствуешь,
ты одинаково освещаешь
и облака серебристо-белые,
и небесный свод, на котором столкнулись
разные краски, не желающие
сливаться, ибо охвачены
взаимной враждою.

Небо, напоминающее кусок материи,
укутавший со всех сторон Вселенную,
приподняло солнце своими руками
и куда-то осторожно переложило.
И разве не доставляет вам радость,
о глаза, созерцать этот мир
в новом великолепье?

И теперь, благодаря твоему рождению,
о дитя золотое, светлое Солнце,
это место Вселенной стало прекрасным.
Ты — роза в саду рассветном,
ты — бриллиантовая подвеска творца вед,
ты — любвеобильное сердце праматери.
Даже из черных вороньих клювов
льется песня — это хвала тебе;

и пусть поют они резко и хрипло,
но так же преданно, как и лебеди,
чьи благородные мелодии
похожи на мед в чашечках лотосов.
На тех и других, о бог Небес,
лучи любви твоей равно падают.

И когда твоей вины струны золотые
мед любви в песнях птиц проливают,
им внимая, цветы открывают чашечки
и делятся с ветром благоуханьем.

Курильниц в богатом доме брахмана
и тарелок из глины в хижине пария —
разве тех и других они не касаются,
лучи твои вечные, священные?
Разве ты любишь их неодинаково,
о Всевышняя Мудрость, ты, которая
жизнь даруешь и сорной траве,
и корням колпака, волшебного дерева?
Ты равно ласкаешь спину прямую,
поддерживающую гордую голову,
готовую носить крону,
и спину, согнутую ношей тяжелой.
Но мы, со своим отвратительным неумением
относиться ко всему одинаково,
даже склоняясь перед тобою,
бросаем на землю мрачную тень.

О Великий Поэт! Ты должен исправить
мои неумелые серые строки
тем пером благородным, что написало
золотые буквы адвайты
на ветках лиан и листьях деревьев.

Мановеньем руки ты можешь очистить
даже прудов застойные воды,
чтобы серебряные их струи
несли богатство и изобилие.
Какими жалкими должны мы казаться
тебе, мы, из ложного тщеславия
отталкивающие от себя угнетенных,
мы, жаждущие добродетели всем сердцем

и оказывающиеся во власти порока,
ибо нас от рожденья, словно сети,
опутывают традиции, восстанавливающие
человека против человека.

Лучи твои чудные превращают
слезы скромной травы в ослепительный жемчуг;
может быть, ты передашь и нам
свой благостный дар утешать обездоленных,
ибо в этом лежит залог прогресса?

Солнце милостиво золотит нежным светом
и травинку во рту, и высокую гору.
Так подставь же, убогое сердце, ладони,
чтобы оно могло положить в них
Благословенный дар — умение любить.

1

Время года сменилось, появились тяжелые тучи,
ливень смыл всю зимнюю грязь,
и чьи-то невидимые руки
красиво украсили все вокруг.
С великолепного колеса солнца
потянулись длинные нити пряжи,
из которой можно было соткать для земли,
уставшей от зимнего холода,
золотистое одеяние.
И, как будто желая принять участие
в этой работе,
одеяние это
цветы и растения
раскрасили пестрым узором.
Луна, обладательница многих достоинств,
демонстрирует миру
свое творенье
(лунный свет серебристый,
разливающий счастье повсюду),
осыпанное звездами-цветами.
Небо, как иллюминированный сад, сияет.
Дети, перебирая струны,
поют о прелести свободы.
Труженики полей, не раз пересекавшие
границу в царство горя,
собираются вместе
у полей созревшего риса.
Старики и дети,
богатые и бедные,
просвещенные и неграмотные,
люди высших каст и парии —
все одинаково наслаждаются

яствами, нарядами, каждым благом.
Радостные, они веселятся
в день народного праздника нашего Онама.
Но только тогда, только тогда,
когда настанет всеобщее равенство,
будет праздник наш настоящим праздником
земли мудрецов.

2

О Онам, радостный праздник,
когда царь Махабали призывает Кералу:
«Одержжи победу в борьбе!»
В этот день, раз в году, славный властитель
посещает нашу страну.
Этот день — царь среди остальных.
За десять дней до Онама
во дворцах страны Парашурамы
начинаются жертвоприношения в виде цветов,
и желтые цветы с длинными стеблями,
лежащие среди других,
напоминают зажженные фитили лампад.
Лотосы, только что раскрывшиеся,
лилии в полном цвету
струят ароматное благоуханье.

3

О Онам, радостный праздник,
когда царь Махабали призывает Кералу:
«Одержжи победу в борьбе!»
Тот самый царь, который, чтоб слово сдержать,
снял с головы корону,
мудрец, вставший на защиту правды
и попавший за это в преисподнюю.
Присутствие этого благородного властелина
сделало ад местом лучшим, чем рай.

Молитвы и внимание человека,
олицетворяющего собою жертвенность,
сделают Онам прекраснейшим праздником.
в каждой стране земли,

1924

Моя Родина — Индия,
темная обитель моих прашуров-риши,
Завещаны мне упанишады и Гита,
святые, словно солнце, —
и них светоносная мудрость.
Но из трех миров — тот настоящий,
в котором существует свобода.

Если вдруг успокоюсь, что цели достиг,
если вдруг упаду, как подкошенный, посредине дороги,
все равно пересилю себя, устремляясь вперед,
топча босыми ступнями колючки.
Для тех, кто пойдет после меня,
не будет тяжелой дороги,
они зашагают свободно.
Если окружит меня непроглядная темень — что с того?
Белый жасмин цветет по ночам,
и дурманящий запах
разносится ветром.

Неустрашимо идем, и шаг наш короче,
сбивают с пути
предрассудки касты и веры.
Прочь их! — и станет широкой поступь.

Низкие страсти, религиозные распри
смертельны для нашей свободы.
Ссора братьев пусть будет короткой размолвкой,
не больше!

В конце концов братья поладят.
Так волны в просторах морских, налетев друг на друга,
улыбаются пеной своих гребешков.

Сходятся волны. То рушатся глыбами,
то, как камни, скрежещут боками.
Страна моя — вечно глубокое море,
без конца и без края, жемчужная россыпь.
Над морем зреют животворящие ливни, стелются
плотным туманом.

Разве богу угодно,
чтобы люди убивали людей ради спасенья коров,
совершенно забыв, что насилие вызывает насилие?
Разве рокот волн — боевой барабан,
а шквалы соленого ветра — ратные песни?
Разве рука правая с левой рукой, пребывая
в противоборстве нелепом,
должны быть по локоть в крови?
Я вижу: по небу расходятся кровавые пятна —
брезжит утро над моей любимой страной.

Вся страна еще в винном дурмане,
но в ней Человек не погибнет.
Смотрите — это сверкают не струйки вина из кувшинов,
а хлопчатобумажные нити потоком льются из прялок.

Разве мы безоружны?
Наше оружие — не меч, а благородный поступок.
В стране риши
никто не станет вкушать от плода,
добытого в сече — кровопролитной и жуткой.

Рабство — понятие и слово — исчезнет,
не возродится в истории мира.
Разве может находиться в оковах страна,
объяснившая людям, что значит свобода?
Наш ответ однозначен и прост:
кто сомневается в будущем Индии —
уйдите с дороги!

1926

МОЕ ОМОВЕНИЕ В СВЯЩЕННОЙ ПРАЙЯГЕ

Недостойные смели явиться
на Конгресс народов Бхараты —
чистое, светлое небо
заслонила темная туча!
Осмелились черные вороны
залететь в лебединую стаю!
Блестящие добродетели
осквернились присутствием Зла!

Смутились огни блестящие —
они жестоко ошиблись,
они эти тени приняли
за сумрак грозовой,
когда внезапно вошли в павильон
двенадцать тысяч тружеников,
двенадцать тысяч неграмотных,
плохо одетых людей.

Какие они некрасивые!
Какие они неопрятные!
Так прогоните прочь их!
Ну как же это так?
Какое право имеют они
здесь, среди нас, появиться,
они, которые работают
руками, не головой?
Но полицейские дубинки
в руках добровольных стражей
были для них не страшнее
мягких волокон бананов.
Сильные, как слоны,
шли они в полном порядке —
невозможно было остановить
этот марш бедноты!

Казалось, само человечество
пробудилось, томимое жаждой.
Их уши еще болели
от лязга кандалов.
Один за другим вошли они
и встали плотной стеною
под выцветшими плакатами,
кричащими о свободе.

Разве могли они, темные,
в беспросветной нужде погрязшие,
удовольствоваться лишь частицею
свободы, что взята с бою?
Разве это освобождение,
когда половина тела
из пасти дракона вынута,
а другая осталась в ней?

Устрой же сердечную встречу,
о Конгресс народов Бхараты,
этим гостям-героям,
уважение им окажи.
Наконец-то твое собрание
можно полным назвать сегодня,
ибо на нем присутствуют
те, кто должен присутствовать здесь.

Чтобы вырубить чашу рабства,
чтоб, очищенные от плевел,
братства посеять семена
и обильную жатву собрать,
много они потрудились,
эти большие руки,
эти крестьяне, живущие
на жалких клочках земли.

Для дворцов добывая яства,
сами живут они впроголодь,
для того они ходят грязными,
чтоб другим дать чистый наряд.
В дождь, в бурю, в жару нестерпимую
они неустанно трудятся,
они — эти лучшие сыны
Священной Земли мудрецов!

Конгресс, на котором когда-то
присутствовать смели лишь «чистые»,
облагорожен приходом их;
этих тружеников простых.
Это было прекрасное зрелище —
это было место слияния
священного Ганга и Калинди,
двух полноводных рек.

Возрадуйся же, душа моя,
тебе это счастье выпало:
священного трепета полная,
испытывая восторг,
ты можешь свершить омовение
в священных струях Прайяги —
в месте встречи Ганга и Калинди —
очиститься от грехов!

1929

ПОБЕДОНОСНАЯ

Сегодня железнодорожники
Южной Индии
собираются на девятую профконференцию.
Это будет около Тричинополи,
в городке Понмала.
Что это — новый Ганг
рядом с Кавери течет?
Нет — это поток людей
полноводной рекой
к морю человечества спешит.
Пусть разные земли объединятся
этой рабочей солидарностью.
Она сокращает расстояния,
она безгранична, она всеильна.

Сколько забот
даже здесь, в Понмале!
Весь город станет
одним пандалом.
Как прекрасен этот пандал,
не с чем сравниться ему!
Умелые руки рабочих
видны тут во всем.
Здесь многие даже еще не накормлены,
и многим еще не платили —
и все-таки трудились они
день и ночь.
Не ради денег, не ради славы
было сделано это.
Они отказывали себе почти во всем,
они последние гроши сберегали
И отдавали от всей души
эти деньги,

чтобы городская площадь
к сроку была
готова для конференции.

И вот появился новый Тричинополи —
энтузиазм и единство рабочих
способны возродить даже Сахару.
Разве не так сотворен
этот на глазах поднявшийся город?
В прекрасном саду
красота ослепляет,
ночь светлеет от ярких и пестрых цветов
электрических ламп.

Вот процессия двинулась —
впереди разукрашенный шест...
Смысл искусства каков?
Заключается он в красоте благородной.
Все, что жизнь украшает, —
все это нужно рабочим:
танец, и драма,
и музыка, и красивые вещи.
А повелось на земле —
люди труда
словом и делом творят
улады богатых.
И все-таки вы победите,
рабочие —
делегаты железнодорожной
профконференции.

1944

МУЖЕСТВО ЖЕНЩИНЫ

Наряженная в лучшие одежды,
она лежит в комнате, на диване;
наедине со своими мыслями, она неподвижна;
прекрасная, она похожа
на волшебную золотую куклу,
сделанную мастером-чудотворцем.

Словно струи дождя
из черной тучи, волосы ее.
Они отбрасывают на лоб
голубоватые тени;
удлиненные глаза полужакрыты,
ладонь подпирает прекрасную щеку,
подобную кристаллу на фоне
красного шелка.
С плеча ниспадает сари,
укрывая высокую грудь
в складках.
Рядом играет ребенок,
прекрасный, как молодой месяц.
Он напевает, пританцовывает, резвится,
но она этого не видит,
она неподвижна —
что за мысли ее тревожат?

Что ребенку
до материнской печали?
По-своему он лепечет,
сам с собою играет;
счастливая пора — детство.
в эту богатую комнату
человек заходит.

Когда дитя вырастет, станет оно
похоже на этого человека.
Кинул игрушки ребенок,
пролепетал «папа».
Какая отрада для родителей
этот лепет.
Мальчик подбежал к вошедшему,
нежно обхватил его колени.

Мужчина наклонился, приподнял ребенка,
прижал к груди маленькое тельце,
словно великую драгоценность,
а тот обнял его шею,
как гирлянда.
Тысячу раз поцеловал мужчину
птенчика дорогого.

Услышав лепет ребенка,
поднялась красавица с дивана,
руками, что унизали браслеты,
поправила распутившиеся пряди
темных волос.
Самая искренняя любовь в ее улыбке,
она проводит по комнатам дорогого гостя.

Видит муж —
она в нарядных одеждах.
Глядит она на мужа,
и лицо ее светлеет.
Самое дорогое дитя
мужчина усаживает рядом с женою;
высокий, статный, красивый,
он кладет ей на плечо руку, говорит:

«О чем ты задумалась?
Почему испугалась?
Из-за того ли, что твой муж
оставил тебя одну дома?
Но когда на родину враги нападают,
можно ли остаться безучастным?
Зачем же тогда выковыывать оружие?
Для нас боевой призыв —
поднимающая на войну песня.

Ведь это совсем не простая война,
совсем иная.
Храбрый должен мечтать о такой битве».

Но он страдал, и мужество внезапно
покинуло сердце солдата.
Слова его застревали в горле,
и наконец произнес он:
«Я вернусь».
Так он сказал любимому сыну.
А когда прощался, вытер с лица платком слезы.
Для войны и для праздника нужна смелость.
Даже если наступает минута прощанья
с любимой женой и драгоценным ребенком,
солдат должен оставаться солдатом.

«Я тоже пойду с папой», — сказал ребенок
тоненьким голосом.
«С папой ты потом поедешь», —
ласково мать проговорила
и погладила сына.
Слова, наполненные мужеством и любовью,
она обратила к мужу:

«Пусть мой муж, мой воин, спешит
на поле сраженья,
я не об этом печалюсь.
Страшит меня совсем иное —
вдруг он откажется от солдатского долга,
за нас страшась и печалясь,
за тех, кто остается дома...
„Беспомощный совсем еще ребенок
и слабая женщина, остаются они без опоры“ —
так он может подумать.

А я думаю о том, что любовь
к жене и сыну
отдаляет его от поля битвы,
что из-за нашей слабости
не готов он к сраженью.
Жена, вставшая между долгом мужа и мужем,
может ли вообще женой называться?

Ни разу после нашей свадьбы
мы не разлучились, день без тебя
был бы мне мукой.
Но такую разлуку я пересилю.
Если же тебя покинет храбрость,
я всегда буду страдать, и твое возвращенье
не избавит меня от этих страданий.
Иди путем победы, иди своей дорогой солдата —
пусть тебе сопутствует счастье».

Негромко, но твердо она сказала все это.
Благородные ее слова он услышал,
и они глубоко запали ему в душу.
Снова сердце его наполнилось отвагой,
и глаза его засверкали сильнее, чем прежде,
новые силы влились в его жилы,
словно выпил он напитка бессмертных.

То, что он хотел и не мог высказать раньше,
вырвалось наконец наружу.
«Прости меня, благородная жена и подруга,
прости за мои пустые сомненья», —
сказал он с радостью и нежно
обнял ее и потом продолжал
с любовью:

«Правильно ты говоришь,
так и должна говорить жена мужу.
Настало время проститься.
Оставайся; расти ребенка, следи за ним
как подобает».
Она выскользнула из его объятий
и ответила:
«Бог, что карает грех и хранит правду,
да благословит тебя перед походом.
О мой супруг, ты стоишь за правое дело,
Бог будет охранять тебя в битвах.
Тяжкая доля тебе досталась —
выстоять среди вражеских полчищ,
но ты должен храбро сражаться.
Молнии пусть будет твой меч подобен!

Поклонись,— она сказала ребенку. —
в ноги отцу, ведь ему придется
на смерть стоять в битве с врагами».
И красавица прижала к себе ребенка,
из очей ее светлым жемчугом
хлынули слезы и мужа окрестили.

1944

ДОМ ВДОВ В МАДРАСЕ

Небо, бескрайнее небо над головой
и бесконечное море, подобное небу.
Тело мое ласкают морские ветра,
бриз обвевает меня влажной струей.
Из города, шумного города сюда я пришел.
Возле солнцем залитых морских берегов
погоняет ветер волну за волной.

Отвожу я от моря взор и оглядываюсь назад,
широко открыты глаза мои.
Вижу издали: как тика у красавицы на лбу,
в дымке вечерней — солнце.
Вижу: женщины из приюта для вдов
стоят поодаль на берегу.
Бог лишил их мужей,
стерлась тика.
И хоть многие из них во цвете лет,
но несчастнее их нет никого.
Ветер с моря прохладу несет,
и светлеют лица у них,
если вспомнят они мужей,
если вспомнят прежнюю жизнь.
И сегодня волны, резвясь,
подбегают к морским берегам.
Эти женщины были счастливы в прежние дни,
ни одна не улыбнется теперь.
До чего же горька жизнь вдовы!
Вот стоит огромный этот дом,
дверь распахнута широко.

Точно молнии, лимузины богачей
мчат мимо окон его.
Но медлительно, как муравьи,
эти женщины свершают свой путь.

Лишены они близких и друзей
и во всем зависят от других.
О, какого только горя нет
в пяти буквах слова «вдова»!
Даже те девчушки, которым рано еще
о супружестве думать, даже они
ужасаются при слове «вдова».
Как судьба женская тяжела!
У мужчины подружек хоть сто,
а у женщины единственный путь —
верность хранить до конца.
Надо ли терпеть закон,
у которого два лица,
разные для женщин и мужчин?

Неотрывным взором маяк
издали глядит на вдовый дом.
Как он может без усталости день и ночь
дом несчастья высматривать на берегу?
Мощно волны о берег бьют,
пена белая пляшет на гребнях...
Щечки детские жизни полны,
кудри детей волнуются на ветру!
Осторожно, держась за руки матерей,
дети выходят на пляж,
и следы их потом видны на песке.
Разве материнство не живет
в сердце женщины,
когда она вдова?
Ваша жизнь проходит, сестры, во тьме.
И прохожие глядят на вас,
будто уличные фонари, —
это взоры мира обращаются к вам.

ПЕРВЫЙ ПОЛЕТ

Божественная птица,
вместившая пять пассажиров,
Плывет по воздуху,
распластав широкие крылья.
Сначала короткий разбег
по взлетной дорожке
И затем с чудовищным грохотом —
взлет.
Это было рано утром,
фонари уже гасли.
И вот они далеко позади —
уличные фонари Коломбо.
Мы поднимаемся
к звездам.
Натужно режут моторы,
подрагивает корпус —
Весь этот грохот во славу
созидающей науки.
Я чувствую —
даже мои неслышащие уши
Гром пронизывает болью.
Наперерез ветрам
поднимается аэроплан.
На куличики песчаные детей
горы похожи сверху,
Лес что тростник,
люди кажутся муравьями,
Река — извилистая канавка.
Случайно отодвинув
на окне занавеску,
Поглядел я вниз
с интересом...
Белый кипень облаков летящих,
и адский провал,

И земля где-то там,
на дне провала.
Маленькие белые облака похожи
на разбросанные тут и там
Кипы хлопка.
И как черные семена
В белом хлопке,
виднеются тучки
В облачном мареве светлом.
Плоские облака
На площади похожи.
Занимается рассвет,
Разбрасывая золотые звезды-монеты.
Когда я сокровища эти увидел,
Совсем позабыл,
сколько еще в нашей стране
Голодных.
Если бы мы взлетели повыше,
Все эти золотые монеты
я сумел бы собрать
Собственными руками.
Но кто-то уже начал
Эту работу —
засверкало золото восходящего солнца;
И золото звезд в нем растворилось.

Как спокойно в полете —
остаются под нами
Даже те облака,
что плывут выше всех.
Но до неба еще далеко,
словно смотрим мы в небо с земли.
Все еще оно выше,
над всеми.
То, что выше, и есть небеса.
Небеса утомить человека
Не могут, ведь они благородны всегда,
небеса.
Мечами ненависти
люди землю терзают.
Но ты, небо, едино и неделимо,
ты принадлежишь всем!

Солнце, сначала еле видное на востоке,
разливается по всем
Небесным дорогам.

Это алый стремительный
Поток рассвета.

Потоки крови проливаются
В земных битвах,

и отсвет этой крови
Возникает над горизонтом,
словно его захлестывают

Кровавые волны,
и белые поля облаков

Расстилаются под ними.

Прекрасный, притягательный,
Страшный, весь в ослепительных лучах
восход возникает.

Отцы, и братья, и вы, мудрецы всего мира,
знайте:

Еще до аэроплана был на свете корабль,
возносившийся в небо.

Никого не должно удивить,
что корабль этот создали

Люди Бхараты —
их влекли небеса,

Их притягивала высота.

Глубочайшая мудрость,
И усердные эти труды,

и высокая мысль —
Все утрачено Индией было
с потерей свободы.

Сокровенные знания наши
в глубоком покоятся сне.

Но когда пробуждение?
Вместе с восходом свободы.

1945

Величие встает в чертах Москвы.
В ней мощь и процветание державы,
Нью-Йорка деловитая осанка,
Лондона размеренная важность
и чувственная грация Парижа.
На что ни взглянешь —

глаз не отвести.

Люди здесь не отстают от века,
энергия и ум их отличают.
В своей стране им до всего есть дело,
все государство в их полномочной власти.
А в самом центре города, у стены Кремлевской
на Красной площади
светится, искрясь, зерно гранита.

Это — Мавзолей.

Над его дверями черный камень
мерцает мягко

под лучами солнца.

Вниз ведут ступени.

По ним спускаясь,
попадаешь в зал.

Там — саркофаг,
а в нем нетленный Ленин.

Он для нас как будто заря,
что, разгораясь,
займет полнеба.

Но почему я написал — «как будто»?

Он в самом деле есть рассвет России.

Он, оттеснивший тьму
и просветивший всех.

Его заветам следует страна.

в самом центре,
на монолите.
Неподалеку, у стены Кремлевской, —
ряд надгробий.
Под мраморными плитами лежат,
покоясь в вечном мире,
другие, его ученики,
герои революции,
сыны свободы.
Заснули непробудным сном,
укрывшись зеленою травой.

Года проходят. Он лежит
в прозрачном саркофаге,
в святилищнице под землей.
А его страна
не уставая
идет вперед и ярче расцветает.
Те воины,
кто Родине отдал
себя, судьбу и жизнь,
не умирают.

Среди 250 миллионов твоих детей, Россия,
нет обездоленных,
ленивых и невежд.
Все женщины с мужчинами равны в правах.
О, славься ты в веках,
Отечество свободы!

1951

ИСКУССТВО РАСЦВЕТАЕТ

За спиной московских высотных зданий
опускается заходящее солнце.
Человеческий поток
устремляется к парку.
Там перед тысячами глаз —
огромная сцена.
Схожий с закатом,
раздвигается занавес вишневого цвета.
Ночь еще не наступила,
но уже повсюду тени.
О зрелище дивное, зрелище — чудо!
С обеих сторон появляются танцоры,
сливаются в одну линию,
извилистую, как лиана.
Это тридцать деревенских девушек
выходят на сцену.
В ритме танца
в такт музыке они перебирают ногами,
схожие со струями
медлительной речки.
Вот танцующие разбились на пятерки
и закружились быстро-быстро,
словно речные водовороты.
Улыбки красавиц — прозрачные брызги.
Музыка сама по себе чарует,
музыка сливается с красотой танца.
Есть ли взор,
что не порадует
такому искусству?
В каждом движении танцовщица
прогибается,
как дерево под ветром.

Все, кто видят это, в восторге,
душой они следуют за этим танцем.
Даже небеса следят
за представлением в парке.
Таковы народные танцы
в Советском Союзе.
Звезды смотрят сюда,
широко открыв очи,
и на советских полях
вместе с урожаем вырастает искусство.

1952

ДИПАВАЛИ

Среди рисовых полей необозримых
спелые зерна риса, как золотые крупинки...
Осенью в это время
земля богатеет.

Наступает осень,
и урожай созревает —
подобные белым лебедям в небе,
облака перелетают с лотоса на лотос.

В темном вечернем небе
последний гость ночи, месяц,
перед тем как скрыться,
светит медовым светом.

Медный светильник
огоньками своими на круглых площадках
разгоняет тьму —
золотистые язычки сверкают.

В храмах и вокруг храмов
начинается дипавали —
даже звезды, пришедшие на праздник с неба,
приносят жертвы.

Огоньки повсюду — это
сияние над глиняными горшками.
Словно сари золотой каймою,
оторочены улицы светом.

Светильники на шестах ярко светят,
словно свежие
бутоны на ветках
раскрывающегося жасмина.

Бледнеет тьма ночная,
побежденная ярким светом.
До чего же ты светлый и красивый
дипавали — великий праздник!

В домах, во дворах, на балконах,
в садах, в городских кварталах, у подворотен —
езде светильники светят!
Все вокруг освещено ярко...

Ярче звезд небесных
эти огни земные.
Они прекрасны, они живут
в светильниках, сотворенных человеком.

Пусть у каждого сегодня
в светильнике хватит масла.
Пусть во всех сердцах
мир будет возлюблен.

В хижинах скромных, во дворцах богатых,
в городе и в деревне —
езде светит огонь масляной лампы:
повсюду празднуют дипавали.

1953

Арсеналы завалены оружием,
уничтожающим жизнь.
На добычу урана
не жалеют золота.
Дорогостоящий процесс —
превращение руды в смерть.
Не счесть,
сколько сказано слов
об атомной катастрофе,
о крови, об ужасах новой войны.
Каждый раз испытание бомбы —
испытание мира.
После каждого взрыва
гневом наполнен эфир.

И в самом деле, для какой войны
проводят ядерные испытания?
Оружия столько, что его примени —
и исчезнет все на земле.
Не останется тех,
кто расчистит завалы из пепла.
И вас не минует чаша сия,
скипетродержцы, властелины себе подобных.
Восстанут народы против
золотого тельца,
против золотого скипетра —
символа власти и угнетения.
Люди стали иными.
Даже друзья из друзей
тиранов, владык, королей
при мысли о тотальном смертоубийстве
опомнятся и содрогнутся.

Руки даны для труда,
для объятий.
Но эти же руки
камни бросают в людей.
Земля — словно храм.
Но богиня богатства потупила взгляд
и стоит с помертвелым лицом:
ей стыдно смотреть
на людские страдания,
на запустенье и голод.
На что же уходят богатства?!
На гонку вооружений!
Изведут всех животных,
пламя охватит леса,
испарятся реки, озера, моря, океаны.
Вырастает чудовищный гриб в атмосфере.
Смертоносные тучи затянули весь небосвод.
Хлынет ядовитый поток, а не дождь благодатный
Всюду — в море, на небе,
на суше, в глубинах земных —
рождается пыль,
несущая смерть.

Семь столетий пройдет, но останутся
эти следы от взорвавшейся бомбы.
Ничто их не смоет, не сметет, не развеет по ветру.
Они — неустранимы.
У меня нет любви
к велеречивым ханжам,
защищающим мир на словах,
а на деле — готовящим войны.
С каждым атомным взрывом
у Хиросимы
становится больше друзей.
Дети — на то они дети — играют в игрушки.

Не верю, что победа
будет за теми,
кто применит это оружие.
В мире
повседневны убийства.
Но такое убийство — помрачение рассудка,
такая война — тяжкий кошмар.

Ученые люди! На что вы тратите ум,
заменяя движение вперед движением вспять?!
Погибнет культура.
Искусство превратится в отбросы.
Слово «счастье» исчезнет из языков.
Справедливость развеется облачком дыма.
Опомнитесь! Этот мир —
не крематорий!

Дать Земле расцвести —
вот задача науки.
Наладить жизнь горемычных —
вот обязанность сильных!
Смерть — наш извечный удел.
Но зачем это нежное небо
превращать в огненный смерч?
Ученые люди! Не будьте
подручными смерти!

Над простором земным
льет свет свой луна,
Солнце лучами
касается ласково кожи.
Луна заставляет растенья расти.
Солнце делает зерна тяжелыми.
Земля и Солнце
взлелеяли нас.
Власть имущих спросите:
Ужели посмеют они разрушить
гармонию мира?

1955

«Мы — атомы жизни. Нас разбудили,
лежащих в неизвестности,
таинственных, недвижных.
Зачем нас из вечного сна исторгли?

Неужели это мы вращаем планеты?
Ведь мы такие малые частицы —
нам и в памяти не удержаться,
зачем вы задумались над нами, ученые люди?

Смертоносное, то, что убивает, —
вот что вы нашли в нас».
Так в молчании философском
обращаются атомы к ученым.

Ваши знания огромны,
но вы служите дурным людям,
тем, кто с помощью атома-малютки
хочет мир разрушить.

О наука, наука,
какой тяжкий труд ведет к твоим вершинам!
Сколько жертв приносят тебе простые люди!
Даже не знают они, как их труд смертоносен.

Солнце, ты можешь выпить соленое море,
пресною станет влага и прольется дождем прозрачным.
А те, кто делают бомбы, отравляют землю и воду.
Солнце, верни им разум!

Человек, ты свет порождаешь,
небеса украшаешь звездным сияньем.
Опалить все живое атомным зноем,
человек, отчего ты не стыдишься?

Мы наперечет знаем
людей, замышляющих войны.
Бомбы падают на детей, на игрушки детства —
армии, целые армии заняты этим!

Золото корон не почитается отныне,
просвещенные народы
более не поют осанну своим вождям жестоким.
Отныне труд сам себе освободитель.

Сколько ни взрывай, сколько ни испытывай атом,
будущей войны этим не остановишь.
Тот, кто может убить одного человека,
может поднять руку на всех живущих.

Чем сильнее машины, тем короче расстоянья,
Мы должны стать еще ближе друг другу.
Может ли мир разделиться на отгороженные закоулки?
Нет! Победа будет за теми, кто человечество
объединяет!

1955

ТРИДЦАТЬ МИЛЛИОНОВ РУК

(отрывок)

Отметим праздник единения Кералы,
Ведь она осуществилась — мечта наша.
Радостно волнуется Аравийское море,
Радуются горы Сахья, одетые в зелень.
Мы сломали границы,
Мы три земли объединили!
Все, чем мы богаты, собрано здесь воедино.
Траванкур, Кочин и Малабар — наконец-то вместе!
О, как долго они разлучены были!
Веселится даже речная пена,
Пена Памбы и Перияра.
И все счастливы, все довольны —
Всякий рад быть гражданином Кералы.
Там, где Чандрагири уходит на север,
Все выше вздымаются ее волны.
Вдоль рек красуются пальмовые рощи,
Взгромоздив на плечи золотые кокосы.
На деревьях цветы заводят красивые танцы
В теплых струях осеннего ветра.

Топором срубают ветви, чтобы принести жертву богу.
Творение священного топора — ты, Керала.
Лес твой слонов укрывает.
Сколько там деревьев ароматных!
Их вывозят далеко — за море!
Это сад, где Сарасвати встречается с Лакшми.
Здесь, подобная лунному свету,
В светлых одеждах,
Овладевшая истиной многогранной,
Исполненная знания и таланта
Выступает Керала.

Ты, Керала,— земной рай, ты — обитель искусства,
Земля Шанкарачарьи.
Удивительный край, Керала,
Все ты вместила.
Ты была обителью мира.
«Махабхарата», созданная великим поэтом,
И веселые истории Куньджана,
Заставлявшие людей смеяться
Смехом белым,
Как цветы на пандале, —
О земля, говорящая по-малаяльски,
Это твои победы!
Солнечная родина наша!
Ты счастлива —
Все твои дети снова вместе.
Небо безоблачно, сады благоухают,
Лепестки цветов тебя устлали.

1956—1957

Год тысяча восемьсот
 пятьдесят седьмой
 Будет памятен,
 пока мы живем на земле.
 Оковы на Индии
 май осветил
 Лучом ослепительным
 в том году.
 И тогда наши деды и наши отцы,
 солдаты Индии, за оружие взялись,
 Цепь трехсот миллионов
 разбили они,
 И блеск их оружия
 врагов ослепил.
 Восстанье сипаев
 назвали они мятежом.
 Кровью своей
 сипаи гасили
 Голода и рабства
 жестокий огонь.
 Но Ост-Индские господа
 переделали правду в ложь.
 Они назвали огонь
 м я т е ж о м !
 Ясным утром
 все началось.
 Сикхи, четти, Магомета сыны
 и Христа, наяры —
 Восстали все.
 Они объединились в борьбе
 За свободу родной земли.
 Но для белых такая война —
 Это м я т е ж !

Индиец и прежде и теперь
насилия враг.
Но захватчиков из чужой земли
мы не желаем терпеть на своей.
Английские братья,
разве вы не видите мужества тех,
Кто рабством и голодом истощен?
На земле древней мудрости,
Английский храбрец, кухарок
ты видел в наших матерях.

Ваше оружие вас не спасло,
вы были побеждены.
Рани Джханси и ее бойцы
пулями в землю вогнали вас.
Быстроногая сильная
индийская лань
Отпугнула британского льва.
Надела рани кольчугу и шлем,
Взяла она щит и меч,
с отвагой могучего мужчины-бойца
Бросалась в битву она.

Пиками вспахана была земля,
пиками темнокожих солдат,
Чтобы посеять свободу везде,
где проходили они.
Те, кто сражались, кровью своей
оросили этот посев.
Прошло сто лет — и взошел урожай,
плоды его сладкие в наших руках.
На земле, в которой покоитесь вы,
благородные храбрецы,
Радостно протекают теперь
наши счастливые дни.
Пусть и тысячелетья пройдут,
но не исчезнет добро.
Вы отдали жизнь за родину-мать,
вечная слава ВАМ!

1957

ДЕНЬ РЕСПУБЛИКИ

Исполняется семь лет родине любимой —
Индия, твой день сегодня.
Семьсот тысяч деревень,
счастливые, танцуют,
и никто не забыт на празднике этом...
Да здравствуют народы Индии,
да здравствует Индия — дом их общий!
Сегодня триста шестьдесят миллионов едины,
сегодня они — одно семейство.
Пусть так пребудет вовеки —
именно в этом нуждаются люди.
Нынче День Рожденья счастливый —
развешаются над нами трехцветные флаги.
И ветер, раздувающий полотна,
сердца и умы обращает к счастью.

Двадцать шестое января — день ярчайший,
он разгоняет тучи печали.
В этот день забывают все
о гордости и униженье.
Ваше лицо спокойно, и по нему струятся
золотые лучи солнечного восхода,
священного сокровища всеземного.

В борьбе Дом Независимости построен нами,
за ним следить надо и не лениться.
О, как много предстоит Индии сделать —
и, главное, помочь тем, кто еще в рабстве.
Поможем им, соберемся все вместе
и соединим наших рук семьсот двадцать миллионов,

Отдайте мне печаль всего мира,
пусть никому не останется печали!
Собственным горем заплачú я за счастье
Родины, Индии, Бхараты —
я буду бороться за всех людей на свете!

1957

Наконец-то свершилось. Британский лев
отступил от добычи. Возродились народы,
и агнец, придушенный львиною лапой,
почувствовал снова свободу. Независима Гана!

Утро шестого марта
возвестило о празднике в Аккре.
Народ ликовал,
счастливое солнце пылало на небосводе.

О Гана! Дети твои свободны.
Открылись для них золотоносные недра.
Твоя независимость — величайшее в мире богатство.
В рабстве даже богатый обездолен, как нищий.

На флагштоках были приспущены
иноземные флаги — окончилось рабство.
Твой стяг трепетал на ветру
и взлетал до самого солнца.

От долгого мира — к целебному свету.
Небо лучилось.
И Индия, торжествуя вместе с тобой,
раскрыла объятия борцам за свободу.

О Гана! Ты младшая наша сестра по борьбе.
Как Индия, ты добивалась свободы
терпеливо и стойко. И жертвы твои
искупились — рассыпалась ржавая цепь деспотизма.

После стольких страданий, мук родовых
ты матерью стала Свободы.
Африка называет тебя героиней,
колыбелью всеобщего счастья.

Это было как светлое чудо, поразившее мир.
Нкрума, твой вождь, возглавил движение
за свободу Отчизны и всколыхнул
весь народ, как в Индии Неру.

Пройдя сквозь горнило страданий,
Гана и Индия счастья добились.
Нкрума и Неру — великие люди —
избежали кровопролитья.

Не поступилась ты честью своей,
заявляя о праве святом на свободу.
И вот стала явью свобода. Поняли это
те, кто держал тебя в рабстве.

Наступило другое время — люди шагают к свободе.
Колонизаторов нечего больше бояться!
Разве слону, что вырвался из загона,
нужен погонщик?

Вопреки рабству, к которому нас приучали британцы,
Индия в долгой борьбе
взрастила в себе свободу.
И вот вздохнула без всяких помех родная земля!

Ученикам не должно забывать о мудрых советах,
их отвергать — невозможно.
Свет свободы, с трудом воскрешенный,
пусть щедро прольется на африканскую землю!

О Гана, иди вместе со старшей сестрой,
верь ей — она тоже немало горя хлебнула.
Вытесним мрак отовсюду. В каждом доме
зажжется свет электрических ламп.

С.16

О Земля, породившая Будду! — потрясенный свершившимся на его глазах убийством, поэт вспоминает Будду, учение которого запрещало любое насилие.

С. 17

...на алтарь преступления... взойшла с красной гирляндой вокруг окровавленной шеи — по обычаю, на приносимое в жертву животное надевали яркую цветочную гирлянду.

С.18

Калиюга — согласно индийской мифологии, время упадка добродетели и господства пороков и злонравия.

Исчезает красота рожи, как у женщины, расстающейся с мужем — по старинному обычаю, женщины в разлуке с мужьями не носили украшений и хороших нарядов, чтобы не быть привлекательными для чужих мужчин.

С.21

Чакора — индийская куропатка.

Точно пение попугаев, слух ласкает прекрасная песня — в индийской поэзии пение попугаев наделяется удивительной красотой и мелодичностью.

..подобен яркой жемчужине — украшению клюва — имеется в виду драгоценное украшение домашней птицы.

С.26

Лакшми — богиня счастья и богатства в индуистском пантеоне.

Парашурама — согласно легенде, древний воитель Парашурама забросил свой боевой топор в море и отвоевал у него часть суши в форме этого топора, на которой и разместилась Керала.

Шанкара, или Шанкарачарья (VIII в.), — один из крупнейших представителей классической индийской философии. Родился в Керале. Его учение, адвайта, отрицало дуализм (двайта) материи и духа и в качестве единственной реальности признавало Брахмана, абсолютное духовное начало, а все остальное считало иллюзией, видимостью.

Тилак — знак касты, наносимый на лоб краской.

Птицы нежными голосами повторяют строки поэта, рассказавшего нам о Раме, поведавшего о Бхаратах — имеется в виду килиппатту (букв. «песнь попугая»), один из жанров средневековой малаяльской поэзии, созданный поэтом Эжуттаччаном (XVI в.). На сюжеты санскритских эпоей Эжуттаччан сочинил поэмы «Духовная Рамаяна» и «Махабхарата», являющиеся классическими в малаяльской литературе.

Онам — популярный в Керале индуистский праздник, отмечаемый в один из дней с 15 августа по 15 сентября. Считается, что в этот день приходит навестить подданных царь Махабали (Бали), вызвавший своим благочестием зависть богов и низвергнутый в подземный мир.

Бал Гангадхар Тилак (1856—1920) — выдающийся индийский революционер и демократ.

Гита — «Бхагавадгита», религиозно-философская поэма, входящая в состав «Махабхараты»; священная книга индуизма.

...ученьем благородным бога Кришны... — основную часть «Бхагавадгиты» составляет проповедь Кришны, воплощенного бога, одного из основных персонажей «Махабхараты».

Харишчандра — легендарный царь, отличавшийся безграничным правдолюбием.

С.38

Веды — см. примеч. 2 к Предисловию.

С.39

Вйна — струнный музыкальный инструмент.

Брахман — член высшей касты.

Адвайта — см. примеч. к с. 27.

С.43

Риши — см. примеч. 12 к Предисловию.

Упанишады — см. примеч. 16 к Предисловию.

С.44

...хлопчатобумажные нити потоком льются из прялок — имеется в виду домашнее производство хлопчатобумажной одежды, которое было частью движения за бойкот иностранных товаров, проводившегося под руководством партии Индийский национальный конгресс в период борьбы за национальную независимость.

С.45

Прайяга (Прайяг) — санскритское (хинди) название г. Аллахабада. О поэтическом подтексте этого стихотворения см. Предисловие, с. 12.

С.46

Бхарата — санскритское название Индии.

С.47

Калинди — одно из названий реки Джамны.

С.48

Кавери — крупнейшая река Южной Индии, на берегах которой расположены города Тричинополи и Понмала.

Пандал — см. примеч. 17 к Предисловию.

С.50

«Мужество женщины» — это стихотворение посвящено Камале Неру, жене Джавахарлала Неру. Находясь в заключении, Дж. Неру обратился к британской колониальной администрации с просьбой разрешить ему отвезти жену в Швейцарию для лечения туберкулеза. Узнав об этом, она решительно отказалась, сравнив это с бегством солдата с поля боя.

«Дом вдов в Мадрасе» — в стихотворении описывается известный в Индии «Дом вдов», расположенный на главной магистрали Мадраса — Мэрин-драйв. Ортодоксальные традиции индуизма запрещали вдовам вторично выходить замуж, носить яркие одежды и украшения.

Тика — красная точка, которая ставится на лбу женщины-индуски и служит знаком замужества или украшением.

«Первый полет» — поэт описывает здесь свои впечатления от первого в его жизни полета на самолете из Коломбо (Шри Ланка) в Мадрас, состоявшегося в 1945 г.

...*мои неслышащие уши...* — когда Валлаттолу был 31 год, он лишился слуха после болезни оспой.

Еще до аэроплана был на свете корабль, возносившийся в небо... Корабль этот создали люди Бхараты — надо полагать, что поэт имеет в виду какой-нибудь мифологический сюжет, в котором фигурируют разного рода фантастические летательные аппараты.

«Мавзолей Ленина», «Искусство расцветает» — эти и другие стихотворения были написаны Валлаттолом по его впечатлениям от посещения Советского Союза в 1951 г.

Сатьяграха — на санскрите букв. «упорство в истине»; термин, введенный М. К. Ганди, для обозначения использовавшихся им ненасильственных методов политической борьбы, так называемого гражданского неповиновения английским колониальным властям в Индии.

Дипавали — осенний праздник урожая, или «праздник огней» в честь богини Лакшми (см. примеч. к с. 26).

...*праздник единения Кералы...* — в 1956 г. индийское правительство приняло закон о новом административно-территориальном делении страны; из населенных малаяльцами районов Траванкур, Кочин и Малабар был образован штат Керала.

Творение священного топора — ты, Керала — см. примеч. к с. 27.

Сарасвати — в индийской мифологии богиня речи, наук и искусств.

С.73

Куньджан — Куньджан Намбияр, известный малаяльский поэт XVIII в., создатель остроумных и веселых текстов для театрализованных представлений на сюжеты из мифов и древних эпосов.

С.74

Сипаи — солдаты-индийцы, служившие в английской колониальной армии. В стихотворении воспеваются великое народное восстание 1857—1859 гг., направленное против англичан в Индии, основными участниками которого были сипаи.

Ост-Индские господа — колониальная экспансия Англии в Индии осуществлялась с начала XVII в. до 1 ноября 1858 г. в основном через посредство так называемой Ост-Индской компании.

Сикхи — последователи сикхизма, религии, возникшей в Северо-Западной Индии в XV в. и утверждавшей равенство людей перед единым богом.

Четти (четтияры) — члены земледельческой и торговоростовщической касты в Южной Индии.

Наяры — см. примеч. 1 к Предисловию.

С.75

Рани Джханси — Лакшми Бай, правившая небольшим княжеством Джханси (слово «рани» означает «княгиня, царица»). Она возглавляла повстанческий отряд и пала в бою.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Ч. Ачута Менон. Предисловие</i>	5
Подбитая птица. <i>Пер. Е. Рейна</i>	15
Время туманов. <i>Пер. Е. Рейна</i>	18
Гимн утренней заре. <i>Пер. М. Павловой</i>	22
Голод. <i>Пер. Е. Рейна</i>	23
Керала. <i>Пер. Е. Рейна</i>	27
Бал Гангадхар Тилак. <i>Пер. М. Павловой</i>	29
Мария Магдалина (отрывок из поэмы). <i>Пер. Е. Рейна</i>	31
Мой почитаемый учитель. <i>Пер. М. Павловой</i>	35
Благословенный дар. <i>Пер. М. Павловой</i>	38
Онам. <i>Пер. М. Павловой</i>	41
Наш ответ. <i>Пер. А. Сенкевича</i>	43
Мое омовение в священной Прайяге. <i>Пер. М. Пав-</i> <i>ловой</i>	45
Победоносная. <i>Пер. Е. Рейна</i>	48
Мужество женщины. <i>Пер. Е. Рейна</i>	50
Дом вдов в Мадрасе. <i>Пер. Е. Рейна</i>	55
Первый полет. <i>Пер. Е. Рейна</i>	57
Мавзолей Ленина <i>Пер. А. Сенкевича</i>	60
Искусство расцветает. <i>Пер. Е. Рейна</i>	63
Дипавали. <i>Пер. Е. Рейна</i>	65
Спросите! <i>Пер. А. Сенкевича</i>	67
Мир — един. <i>Пер. Е. Рейна</i>	70
Тридцать миллионов рук (отрывок). <i>Пер. Е. Рейна</i>	72
Восстание сипаев. <i>Пер. Е. Рейна</i>	74
День Республики. <i>Пер. Е. Рейна</i>	76
Свет. <i>Пер. А. Сенкевича</i>	78
Примечания. <i>В. А. Макаренко</i>	80

Валлаттол

ГИМН УТРЕННЕЙ ЗАРЕ

Редактор *Л. Ш. Рожанский*
Младший редактор *Г. С. Горюнова*
Художник *В. В. Локишин*
Художественный редактор *Э. Л. Эрман*
Технический редактор *Г. А. Никитина*
Корректор *Л. М. Кольцина*

ИБ № 13820

Сдано в набор 11.04.79. Подписано к печати 20.03.80. Формат 70×90^{1/32}. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 3,22. Уч.-изд. л. 2,04. Тираж 10 000 экз. Изд. № 4498. Зак. № 241. Цена 20 коп.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука»
Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»

В ы ш л и:

Мирза Галиб. Избранное. Пер. с фарси
и урду. 15 л.

Небо любви. Из средневековой индийской
поэзии. 3,5 л.

Стихи на пальмовых листьях. Классиче-
ская тамильская лирика. 5 л.

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»

В ы й д у т:

Акима Биллури. Дом души твоей: Пер. с
азерб. Риммы Казаковой. 5 л.

Страницы африканской поэзии. Двадца-
тый век. 12 л.

При блеске дня, во мраке ночи: Сборник
рассказов писателей хинди. 12 л.